

бы изъ предусмотрительнаго термоса: „не будемъ, не будемъ и не будемъ“, въ одинъ голосъ заявили они... И чистосердечно обѣщаютъ милыя дѣти, что, когда они вырастутъ большія, они непременно сдѣлаютъ такъ, какъ Богъ велитъ, т. е. будутъ все дѣлить пополамъ. И старый дѣдъ на печи слушаетъ ихъ, улыбается, такъ что только два нижніе зуба видны, и одобряетъ Сою и Петю. Ему ужъ не видать, какъ они сдѣлаютъ, но онъ обѣщаетъ полюбаваться на нихъ „оттелева“. Это написалъ Толстой 28 августа 1910 года, въ восемьдесятъ второй день своего рожденія, меньше чѣмъ за три мѣсяца до своей кончины. А теперь онъ и самъ на покинутый міръ смотритъ „оттелева“ и „оттелева“ ждетъ, чтобы человѣческія дѣти исполнили свое великое обѣщаніе...

Непобѣдимое преобладаніе художественности сказалось у Толстого такъ рѣшительно и глубоко, что оно не пощадило и, я позволилъ бы себѣ сказать, уличило его самого. Я имѣю въ виду драму „И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ“. Даже принимая въ соображеніе, что больше трети ея замѣнено точками, что такъ много словъ у Толстого отнято, даже помня объ этой невольной нѣмотѣ, все-таки читатель выноситъ безспорное убѣжденіе, что самый блѣдный образъ въ названной пьесѣ—тотъ Николай Ивановичъ Сарынцовъ, который долженъ олицетворять собою толстовскія идеи. Толстому не удался Толстой. Какая-нибудь Александра Ивановна Коховцева,